

ФЕНИКС-5

ПРОТОКОЛ

ИСКУПИТЕЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

РУСЛАН РОССО

Руслан Россо

Протокол «Искупитель»

<https://litres.ru/73963946>

SelfPub; 2026

Аннотация

Их послали за технологией, а они нашли протокол бытия.

2124 год. Сигнал из мёртвого сектора. Не пульсар, не помехи. Чистая структура, описывающая себя. Координаты. Срок прибытия.

Корпорация «Регенсис» отправляет пятерых. Лучшие. Инженер, связистка, биолог, врач, механик. Задание: найти источник, забрать, запатентовать.

Посадка – аварийная. Корабль искорёжен. Связь молчит.

Планета встречает их неестественной геометрией. Растения – шестиугольники. Воздух – без запаха. Тишина – абсолютная. Но эфир гудит. Кто-то поёт на языке, которого люди не слышали тысячелетия. Он зовёт по должностям: «Инженер», «Скрипт», «Дарвин».

Сфера открывается сама. Внутри – исходный код реальности. Куратор из шестерёнок объясняет: «Ваша вселенная – программа. Адам получил битую ссылку. Грех – ошибка компиляции. Восстановите протокол. Или станете частью сети».

У них сорок дней. Инструменты – импланты, протезы, уравнение Бернулли, нейросети и вера, которую никто из них не признавал.

Вход добровольный. Выхода нет.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Руслан Россо

Протокол «Искупитель»

Глава

Пролог. «След невидимого».

21 октября 2124 года. Орбитальная станция «Кеплер-12», сектор Проксимы Центавра.

Доктор Эмиль Штольц не верил в Бога.

Он верил в допуски, зазоры, коэффициенты запаса прочности и святость второго закона термодинамики. Бог – это антропоморфная абстракция, придуманная древними пастухами для объяснения молний. Эмиль повторял эту мантру сорок лет. Но сегодня она рассыпалась в пух и прах.

Всё началось с шума.

«Кеплер-12» висел в гравитационном кармане между Обсидиановым поясом и ничем. Станция слушала космос – не ради науки, а ради денег. Корпорация «Регенсис» скупала аномальные сигналы, конвертировала их в патенты и продавала обратно человечеству. Хороший бизнес. Эмиль был главным инженером по фильтрации. Его работа – отсеивать статические помехи от нейтронных звёзд, чтобы выудить зо-

лотые крупницы чужих технологий.

Сигнал пришёл в 03:14 по станционному времени.

Он не был похож ни на что в базе. Не пульсарная модуляция, не эхо квантовой флуктуации, не обрывок древней военной передачи. Это была чистая структура.

– *Штольц, у тебя есть что-то?* – раздался голос оператора дежурной смены, Кима, из соседнего отсека.

Эмиль не ответил. Он смотрел на спектрограмму, и его пальцы – старые, артритные, с въевшейся графитовой смазкой под ногтями – сами потянулись к карандашу.

Привычка инженера: если чертёж просится на бумагу, значит, в нём есть жизнь.

И он начал рисовать. Не график. Не схему.

Протокол.

Структура сигнала была строже любого ГОСТа. Эмиль разложил её на четыре элементарных слоя:

1. Несущая частота – стабильна, как цезиевый эталон.
2. Модуляция – отсутствовала. Вообще. То есть информацию не кодировали поверх сигнала. Сигнал сам был информацией.
3. Избыточность – колоссальная. 87% повторяющихся паттернов. Для инженера это означало одно: система не боится потерь пакетов. Она перестраивается.
4. Контекст.

Последний пункт заставил его остановиться. Контекст в сигнале не передают. Контекст – это прерогатива отправите-

ля и получателя: кто сказал, кому, в какой ситуации. Но этот сигнал содержал внутри себя описание собственного смысла. Как чертёж, на котором начертано: «Это чертёж молотка. Молоток нужен, чтобы забивать гвозди. Гвозди – вот их параметры...»

Бесконечная рекурсия.

– *Господи,* – выдохнул Эмиль, и сам удивился тому, какое слово выбрал.

Ким заглянул через плечо. Молодой, с неимплантированными глазами, он видел только цифры.

– *Это какой-то новый кодек? Артефакт отражения от пояса?*

– *Нет.* – Эмиль ткнул стилусом в спектрограмму. – *Смотри. Вот здесь – начало координат. «В начале было...»* – он запнулся, – *...нет, не слово. Здесь написано: «В начале была функция».*

Ким не понял. Эмиль и не ждал этого. Он уже ушёл в декомпиляцию, перегоняя массивные блоки данных через старый квантовый декодер – тот самый, который использовали ещё при первых контактах с Церерой.

Декодер чихнул, нагрелся до 120 градусов и выдал результат.

Текст. Три строки на классическом английском, хотя оригинала сигнала не существовало в природе.

Эмиль прочитал их трижды. Потом положил карандаш. Потом вытер губы – они вдруг стали сухими.

Строки гласили:

ОШИБКА: ЕДИНСТВО ССЫЛКИ НАРУШЕНО.
ТРЕБУЕТСЯ ЗАМЕЩЕНИЕ.

КООРДИНАТЫ: R11001. СЕКТОР 7. ПОДТВЕРДИТЬ
ПРИБЫТИЕ В 2126 ГОДУ ПО ЗЕМНОМУ КАЛЕНДАРЮ.

— *Ким*, — позвал Эмиль, чувствуя, как старый кардиостимулятор пускается в пляс, — *кто, по-твоему, может послать сообщение с меткой времени после того, как мы его получим? И описать свой собственный протокол изнутри?*

— *Никто*, — ответил Ким. — *Это невозможно.*

— *Именно*, — кивнул Эмиль. — *Это невозможно.*

Он открыл защищённый канал и набрал код корпоративного руководства. Пальцы не дрожали. Инженеры не дрожат перед чертежом.

Чертёж обещал либо величайшую находку века, либо величайшую ложь.

И то и другое требовало экспедиции.

Конец пролога.

Глава 1. «Планета имени Ничего».

2126 год, 14 часов после аварии. R11001, сектор 7. Местный день (сутки длятся 37 часов).

Артём Горелов не верил в чудеса. Он верил в запас прочности.

— *Прайд, докладывай по обшивке.*

– *Дырка, командир.* – Голос Грегга Ковача в наушниках звучал как скрежет по металлу, потому что сам Грег сейчас был по пояс в гряде дюралевых лохмотьев. – *Третья секция – в хлам. Пятая держится на соплях. Если эта планета чихнёт, нас размажет по рельефу.*

– *Она не чихает,* – отозвался Лев Крузенштерн. Биолог стоял у иллюминатора, точнее, у того, что от него осталось, – трещина в сотовом поликарбонате, заклеенная медицинской плёнкой. – *Атмосферное давление стабильно. Температура – плюс четырнадцать. Кислород – восемнадцать процентов. Углекислота – в пределах нормы.*

– *Однако, мы не дома,* – буркнул Горелов. – *Не расслабляйся.*

Он прошёлся по отсеку. Походка – чужая, металлическая. Протезы – Горелов называл их «шагасс» – в обеих ногах отвечали за каждый шаг коротким гидравлическим шипением. Артём проклинал этот шагасс с первой минуты после посадки. На Земле протезы делали из него полубога – быстрее, выше, сильнее. Здесь они делали из него калеку, привязанного к зарядной станции.

Авария случилась на подлёте. Нештатное торможение – корпоративные аналитики назовут это позже «непредвиденным гравитационным возмущением». Горелов назвал это «кто-то нас сюда притянул, как стальной шарик к магниту». И не ошибся.

R11001 не была планетой в привычном смысле. Не газо-

вый гигант, не каменистая пустыня, не ледяная глыба. Она была неправильной.

Протезы гудели – шагасс требовал калибровки.

– *Алия, что по связи?*

Алия Умарова сидела в углу, поджав колени к подбородку, и сжимала в пальцах декодер. Её нейросетевые импланты – тончайшая вязь электродов под кожей висков – были активированы. Глаза закрыты. Она слушала не ушами.

– *Шум,* – тихо сказала она. – *Тот самый. С момента посадки не изменился.*

– *Конкретнее.*

– *Частоты не совпадают.* – Алия открыла глаза. Тёмные круги, бессонница, зрачки расширены – классическая перегрузка лимбической системы. – *Я пыталась захватить их спектр, но он... плывёт. Как будто источник знает, что я его ищу, и меняет модуляцию.*

– *Одушевлённый шум?* – Ирма Вайс, врач, оторвалась от планшета с показателями жизнедеятельности. – *Алия, это называется «суггестия». Твой мозг дорисовывает паттерны там, где их нет. Я тебе уже говорила: дай отдых нейронам.*

– *Я не дорисовываю,* – Алия мотнула головой. – *Я слышу слова. Не английские, не русские, не коды. Но в них есть структура. Глагол. Объект. Субъект. Иногда – обращение.*

– *Ко мне?* – спросил Горелов.

– *Не знаю.* – Алия потёрла виски. – *Может, ко всем. Мо-*

жет, к той дыре, которую мы прожгли при посадке.

Четырнадцатью часами ранее.

Посадка была жёсткой. Это если вежливо. Если честно – корабль «Феникс-5» рухнул на R11001 как мешок с болтами, прочертив километровую борозду по каменистой равнине и зарывшись носом в склон невысокого холма.

Горелов пришёл в себя вверх ногами. Кровь текла из рас-сечённой брови, импланты-шагассы орали красными иероглифами ошибок, а за бортом было зелено.

Но не так, как в пустыне. И не так, как в джунглях. Зелень R11001 была неестественно яркой, будто каждый лист покрыт слоем оптического лака. И форма... Горелов вылез через аварийный люк и замер.

Растения имели углы.

Не закругления, не плавные линии, не привычный хаос ветвления. Стебли поднимались под шестьдесятю градусами, листья располагались по трём осям симметрии, соцветия складывались в гексагональные решётки. Это не было похоже на эволюцию. Это было похоже на чертёж.

– *У нас проблемы, господа астронавты,* – сказал Лев, когда команда собралась у обломков «Феникса». Он держал в руке срезанный стебель. Ткань растения не сочилась соком. Она была сухой, как целлюлоза, и на срезе – идеальный шестиугольник. – *Этот мир не возник сам.*

– *Панспермия?* – предположила Ирма. – *Чужая биоинже-*

нерия?

– Хуже. – Лев поднёс стебель к носу. – Понюхай.

Ирма понюхала. Потом отшатнулась.

– Ничего. Здесь нет запаха. Вообще.

– Именно. – Лев бросил стебель на землю. – Запах отсутствует, как у стерильного пластика. Растение не гниёт. Оно окисляется, как железо. Биология здесь – это метафора химии. Белки заменены на кристаллические решётки. ДНК – на кремний-углеродные цепочки. Этот мир не обитаем. Он сконструирован.

Грег, который до этого молча копался в обломках двигателя, поднял голову.

– Лев, ты хочешь сказать, что мы прилетели на планету, которую кто-то напечатал?

– Примерно.

– Но кто? Кто их напечатал? Кто их создал? – спросил Грег.

– Вопрос не в том, кто их создал, – Лев посмотрел на Сферу, которая росла на горизонте. – Вопрос в том, из чего они сделаны. Если не из углерода и не из кремния...

– Тогда из чего?

– Из протокола, – Лев понизил голос. – Из чистого исполнения команд. Представь себе интеллект, у которого нет тела. Нет мозга. Нет нейронов. Есть только функция. Только роль. Только «я делаю это, потому что так написано в спецификации».

– Искусственный интеллект? – предположила Алия.

– Или Ангел, – ответил Лев. – Разница только в терминах и в том, кто написал эту спецификацию.

Лев посмотрел на Алию. Алия пожала плечами.

– Возможно тот, кто поёт в эфире? – улыбнулась она.

Сфера.

Они заметили её через несколько часов после посадки – гравитационная аномалия росла прямо на глазах.

Шли по равнине, ориентируясь на гравитационную аномалию – Грег смастерил детектор из остатков магнитной подвески и двух гаечных ключей. Аномалия росла. Сначала как точка на горизонте. Потом как полусфера. Потом – как гора, которой здесь не могло быть.

Как Сфера Дайсона.

Только в миниатюре.

Диаметр – около двух километров. Поверхность – не металл, не пластик, не керамика. Она переливалась, как крыло жука-радужника, но каждый отблеск подчинялся строгой геометрии. Горелов подошёл ближе, коснулся пальцем.

Тепло. Пульсирует. Как кожа.

– Не трогай, – шикнула Ирма, но было поздно.

Поверхность под пальцем Горелова разошлась. Не треснула – именно разошлась, как застёжка-молния, обнажая проход. Ширина – полтора метра. Высота – два. Внутри – темно-та, пахнущая озоном и чем-то ещё... старым. Очень старым.

– *И что?*– спросил Грег, взводя имплантированный в предплечье бластер (чудо, что он уцелел при аварии). – *Заходим?*

– *Вход добровольный,*– прочитала Алия. И добавила тише: – *Это из передачи. Та же фраза. Тот же синтаксис. Они нас пригласили.*

Горелов посмотрел на команду. Лев – любопытство, пере-силивающее страх. Ирма – скепсис до костей. Алия – отрешённость шамана. Грег – готовность стрелять в любую тень.

Себя же он чувствовал идиотом, который ведёт людей в печь.

– *Порядок захода,*– сказал он. – *Я первый. Грег – прикрытие. Алия– держи связь с кораблем, даже если придётся кричать. Лев – фиксируй всё, что увидишь. Ирма – если кто-то начнёт галлюцинировать, выдёргиваешь его сразу.*

– *План «забежали в неизвестность без страховки»,*– усмехнулся Грег. – *Классика.*

– *У нас нет другой страховки,*– ответил Горелов. – *Кроме здравого смысла.*

Он шагнул внутрь.

Темнота сомкнулась. Озон стал гуще. И – впервые за много часов – Алия Умарова вскрикнула и замерла с расширенными зрачками

– *Что?!*– Горелов обернулся.

– *Пение,*– сказала она, зажимая уши ладонями, хотя импланты были внутри черепа. – *Оно... внутри. Их много.*

Очень много. И они знают наши имена.

Сфера закрылась за ними бесшумно, как дверь банковского сейфа.

На поверхности осталась только тонкая плёнка оксида — там, где секунду назад стояла команда. Равнина молчала. Ветра не было.

Биосфера R11001 не производила звуков.

Она только смотрела вслед шестиугольными глазами своих листьев.

Конец первой главы.

Глава 2. «Когнитивный завод».

Состав экипажа «Феникс-5» (выписка из бортового журнала, последняя запись перед входом в аномалию):

1. «Инженер» (командир группы).

* Имя: Артём Горелов.

* Должность: инженер-конструктор высшей категории.

* Возраст: 40 лет.

* Особые отметки: корпоративные импланты нижних конечностей (замена суставов, травма 2108 года).

2. «Скрипт» (связистка).

* Имя: Алия Умарова.

* Должность: специалист по нейросетевым интерфейсам.

* Возраст: 29 лет.

* Особые отметки: хирургическая кибер-аугментация ви-

сочных долей, диагноз – умеренная депрессия (компенсированная).

3. «Дарвин» (ксенобиолог).

* Имя: Лев Крузенштерн.

* Должность: доктор биологических наук.

* Возраст: 62 года.

* Особые отметки: агностик, без имплантов, сертификат допуска к изолятам первого уровня.

4. «Прайд» (инженер-механик).

* Имя: Грег Ковач.

* Должность: бывший сержант корпоративной пехоты.

* Возраст: 35 лет.

* Особые отметки: мясные импланты (усиление мышц, подкожная броня), несовместимость с дешёвым пластиком.

5. «Фома» (врач).

* Имя: Ирма Вайс.

* Должность: психиатр, доктор медицины.

* Возраст: 44 года.

* Особые отметки: картезианская философская школа, отказ от любых имплантов на религиозно-материалистических основаниях.

Внутри Сферы не было темноты.

Была пустота, которая сама себя подсвечивала. Горелов сделал три шага и понял, что его шагасс врёт. Протезы показывали горизонт под углом два градуса, но подошвы чув-

ствовали твёрдую поверхность. Вестибулярный аппарат требовал тошноты. Артём подавил рефлекс.

– *Я теряю ориентацию,* – прошипел он в гарнитуру.

– *У меня то же самое,* – ответил Грег. Прайд шёл справа, его имплантированные мышцы перекачивались под курткой, как стальные канаты. – *Акселерометры показывают, что я лечу вверх. Но я, сука, иду.*

– *Возможно это потому что здесь нет верха и низа,* – тихо сказал Лев. Биолог, в отличие от остальных, не спорил с вестибуляркой. Он просто принял хаос и двигался медленно, касаясь стены – если то, что вокруг, можно было назвать стеной. – *Пространство здесь не евклидово. Мы внутри алгоритма.*

– *Алия,* – Горелов повернулся к связистке. – *Есть контакт?*

Алия не ответила.

Она стояла в десяти метрах от группы, но казалось, что в десяти километрах. Её поза – скрюченная, пальцы вжаты в виски, глаза закрыты. Нейросетевые импланты под кожей светились синим – Ирма назвала бы это галлюцинацией, но сияние было реальным. Горелов его видел.

– *Скрипт,* – позвал он, используя позывной. – *Алия, мать твою, ответь!*

– *Они...* – голос Алии дрожал на грани ультразвука. – *Они не говорят словами. Они калибруют.*

– *Кого калибруют?*

– *Реальность.*

Схоласты.

Они пришли не из темноты. Они возникли из геометрии.

Сначала – просто сгустки света на границе восприятия.

Потом – фигуры. Ни люди, ни животные, ни механизмы. Трёхмерные мандалы, вращающиеся вокруг невидимой оси, состоящие из тысяч сияющих нитей. Каждая нить пульсировала в такт частоте, которую Алия слышала с момента посадки.

– *Не стрелять,* – приказ Горелова прозвучал одновременно с тем, как Грег вскинул бластер.

– *Ты видишь это, командир?* – Грег не опускал оружие. Его имплантированный палец на спусковом крючке не дрожал.

– *Это не живое.*

– *А ты?* – спросил Лев. Биолог смотрел на ближайшего «схоласта» с восхищением, которого Горелов в нём никогда не видел. – *Ты живой? Твоё сердце бьётся благодаря углероду. Их сердце бьётся благодаря фотонам. Это не делает их мёртвыми.*

– *Это делает их ошибкой компиляции,* – отрезал Грег.

Схоласты запели.

– *Они не думают,* – сказала Алия, не открывая глаз. – *Я слушаю их пение. И в нём... нет сомнений. Нет вопросов. Нет «я». Есть только исполнение. Как у старого добротного компилятора.*

– Ты сравниваешь Ангелов с программами?– спросил Горелов.

– Я констатирую,– ответила Алия. – Они идеальны, потому что у них нет выбора. Им не нужно выбирать. Им нужно калибровать.

– А что происходит, когда у такой «программы» появляется выбор?– спросил Лев.

Алия открыла глаза. Посмотрела на Грега, на его здоровую руку, которой он сжимал бластер.

– Увидим,– сказала она. – Если доживём, конечно.

Звук пения схоластов нельзя было описать. Ирма Вайс, которая до этого молчала, фиксируя показания с наручных сенсоров, вдруг выронила планшет. Он упал на «пол» – и не разбился. Завис в двадцати сантиметрах от поверхности, медленно вращаясь. Её наручные сенсоры показывали норму, но глаза...

– Моя оптика...– прошептала Ирма. – Я вижу двойное. Тройное. Их... не шесть. Их шестьсот.

– Не смотри на них,– Горелов схватил её за плечо. – Смотри на меня. Фома, ты меня слышишь? Взгляд на меня!

Но Ирма уже проваливалась. Её зрачки расширились до неестественной величины, и в них отражались не схоласты, а бесконечные регрессии – схемы, чертежи, проекции, уходящие внутрь самих себя.

– Уведи её,– приказал Горелов Льву. – Назад, к выходу.

– Выхода нет,– спокойно сказал Лев. – Сфера закрылась.

Попытка взлома.

Грег не умел отступать. Экс-сержант, три кампании на Марсе, ампутация и замена тридцати процентов мышечной массы. Его учили одному: если противник не разговаривает, взломай его.

Он увидел консоль.

Точнее – поверхность, которая выглядела как консоль. Прямоугольник из того же переливчатого материала, с углублениями под пальцы. Углубления подходили под человеческую руку. Под его руку, с усиленными фалангами и диагностическим портом на запястье.

– *Прайд, не надо!* – крикнул Лев, но Грег уже подключился.

Порт щёлкнул. Данные потекли.

И сразу – ошибка.

Грег не успел закричать. Его правая рука – от локтя до кончиков пальцев, мясная, усиленная, с подкожной титановой сеткой – просто перестала существовать. Не оторвалась, не сгорела и не ампутировалась. Её не стало. Вместо неё оказалась пустота, идеально ровный срез, запах озона и ни одной капли крови.

– *Сука!* – Грег упал на колени, но боли не было. Им

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.